

САМАРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ

№ 26

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

Суббота, июня 28 дня 1852 года

Путевые заметки от Саратова до Самары ¹⁾

После грозной тучи в полдень 19 мая, разразившейся над Саратовом небольшим градом и проливным дождем, небо прояснилось; но ветер нагорный, т.е. западный, дул довольно сильный. В 6 часов пополудни я отправился из Саратова через Волгу на дощанике, который при попутном ветерке с небольшим в час перелетел чрез широкую Волгу.

Час этот останется незабвенным для меня на всю жизнь. Глядя на Саратов, город обширный, богатый и многолюдный, как много перечувствовал я в эту небольшую частичку времени! «Прощай, думал я, милый Саратов; много оставляю я в тебе для меня заветного: оставляю семейство, нежно мною любимое, оставляю прах почивших моих детей, коих гробы мысленно обнял я и сердце мое воздало им печальное целование; оставляю много людей, которых любил искренно и взаимно был любим ими. В твоих великолепных храмах 17 лет я молился Богу мира, и мир благодатный нисходил на мою бурную душу. В тебе я провел лучшие годы моей жизни; стал супругом и отцом; наслаждался полным здоровьем и был свидетелем страшной години, в которую тысячи жителей твоих делались внезапными жертвами смерти; вкушал чистые радости и в свою черду испытывал горе жизни, ни для кого неизбежное в дольном мире. Процветай любезный город на славу России. Да почиет над тобою вечно мири благословение Божье». Так думал я, расставаясь с Саратовом, и от грустного умиления горячие слезы брызнули из очей моих!

¹ Писаны в 1851 году.

И вот я уже в Самарской губернии. Первое селение её здесь – Покровская Слобода. Она населена малороссиянами; впрочем, недавно приселилась к ней слободка великороссиян. Первые жители её были солевозы, которые перешли из разных губерний малороссийских с целью возить соль с Елтонского озера в запасные магазины и другие места взамен платежа всех повинностей. В последствии времени они перечислены в казенные крестьяне на общем основании. В ней ревизских душ около 5000. Следовательно, обоего пола более 10 тыс. душ, кроме временно проживающих чиновников, купцов и людей других званий. Три каменные церкви, из коих в одной Покровской есть образ Покрова Божьей матери, особенно чтимый народом; другая во имя Петра и Павла, третья – Сошествия св. Духа. Одно училище приходское для крестьянских детей. Учрежден еженедельный базар. Множество устроено амбаров для ссыпки хлеба, который грузится в полую воду на суда и отвозится вверх по Волге до Нижнего, Рыбинска и обе столицы. Дома жителей опрятны. Малороссияне – кроткого нрава; честны и очень привержены к правоверию; так, что у них нет ни одного раскольника. Занимаются земледелием и скотоводством. Есть много и торгующих разными крестьянскими товарами. Покровская Слобода по пристани, торговле и разного рода промышленности жителей зовется в простонародье *городком*.

Верстах в двух от огромной Слободы Покровской вверх по течению Волги, с последней сливается небольшая, вытекающая из степи речка Саратовка. При устье её, в дельте, стоял назад тому более 200 лет древний городок Саратов. Ордынцы разрушили его до основания в царствование Годунова. Не очень давно развалины его ещё были довольно явственны и обширны. Теперь остался от них, можно сказать, небольшой клочок. Волга подмывает остатки жилищ, а может быть и сокровищ, погребая их в своих безднах. Через несколько лет путник напрасно будет искать существования этого городка: на месте его будет шуметь глубокая Волга. Мысль грустная! Таков удел всего земного, кроме души человеческой. Такова была судьба некогда цветущих и славных городов: Ниневии, Тира, Сидона, Мемфиса, Вавилона и других. При взгляде на развалины Саратова, невольно рождается вопрос, зачем было строить город в такой глуши, подле кочевьев дикарей, враждебных России? Но соображая события в конце XVI столетия, видим, что мысль о построении здесь города Саратова зрела обдуманно и доказывает дальновидный ум человека, в руках коего находилось

тогда кормило государственного правления, т.е. Годунова: созидавая в степях заволжских городов, Борис хотел решительно наложить на всё Поволжье руку владычества России, вытеснить отсюда дикие племена, и на красных берегах Волги водворить промышленность и торговлю. Время оправдало великую мысль Годунова. Устье реки Саратовки в межень представляет ручеек, тихо вливающийся в широкую Волгу, но в апреле и мае это огромный и глубокий залив, образующийся от сильного, исполинского подпора Волги. Края этой временной бухты окаймляются яркой зеленью, а над водой парят тучи пернатых переселенцев с юга. Вид прелестнейший!

Далее, от реки Саратовки верст 10, на берегу волжского протока Каюковки, правильнее Аюковки², казенное селение Шумейка с красивой деревянной церковью. Этот выселок из слободы Покровской населен малороссиянами.

(продолжение в следующем №)

² Здесь в конце XVII столетия кочевал умный калмыцкий хан Аюка, ласкаемый Россией и известный даже в Китае.

САМАРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ

№ 27

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

Суббота, июля 5 дня 1852 года

Путевые заметки от Саратова до Самары

Верстах в семи от села Шумейки вы увидите природу русскую, но жителей не русских. Отселе начинается протягивающаяся верст на 100 сплошная цепь колоний, населенных по берегу Волги выходцами из Германии; впрочем, есть колонии и по берегам рек Большого и Малого Караманов, и Вартопы, впадающих тоже в Волгу. Здесь все иноземное – другие люди, другая архитектура, другие нравы, обычаи, привычки, образ жизни. Здесь больше порядка во всем, чем у русских, потому что эти переселенцы, пришедшие из стран голодных на землю изобильную, знакомы уже с нуждой – лучшим учителем жизни, и потому у них более строгой расчетливости и аккуратности во всем, хотя образование их тоже стоит на низшей степени. Первая нижняя колония по течению Волги, есть Красный Яр, а верхняя, почти против г. Вольгска, есть Шафгаузен. Земли у них вдоволь, луга при Волге обширны и тучны, воды чисты.

В цепи приволжских колоний самая замечательная – Екатеринштадт, у простолюдинов более известная под именем Баронска. Колония эта красиво построена, обширна и расположена по берегу Волги. В ней считается по 9 народной переписи 1862 души мужского и 1807 женского, а всего 3669 душ. Из них купцов три: два 2-й гильдии и один 3 гильдии; торгующих колонистов по свидетельствам 3-го рода – 14, и один по свидетельству – 4-го рода. Кроме постоянных жителей колонистов там живет до 500 человек, а летом гораздо более, русских для различных ремесел и промыслов. Домов в колонии 412; из них каменных 9, прочие все деревянные. Училищ три: одно католическое, другое лютеранское, третье

русское, в коем д 25 человек детей колонистов обучаются русскому языку. В первом обучается до 59 мальчиков и 47 девочек; во втором – 264 мальчика и 236 девочек, всего же учащихся 606. Учителей 3. Дома училищные устроены от общества. Церквей в Екатеринштадте три: католическая, лютеранская и грекороссийская; первые две каменные, а последняя деревянная. В колонии этой на Волге значительная пристань, где устроено 236 амбаров для ссыпки хлеба. Управление колонии состоит в ведении окружного приказа, в коем имеют заседание голова и три члена. Письменная часть находится в ведении волостного писаря и двух его помощников. Подводная повинность отправляется ямщиной по найму от общества за 1015 руб. сер.; съемщик обязывается по контракту иметь 18 лошадей, а в случае потребности и более. Земли нарезано колонии 19306 десятин удобной; при ней неудобной – 11912 десятин. Промышленность этой колонии получила обширное развитие. Есть у екатеринштадтских колонистов сады, которые, впрочем, мало доставляют выгод; плоды снимаются и употребляются больше для домашнего обихода. Впрочем, здешние колонисты плохие садоводы. Да к этой отрасли хозяйства они мало имеют и склонности, хотя климат и почва благоприятствуют оной. Нет здесь ни одного сада, который бы давал порядочный доход. Главный промысел колонистов – земледелие. Сеют хлеб всякого рода, а в особенности пшеницу. Важнейшую статью хозяйства составляет табак: он занимает огромные плантации. Семена у них свои, а частью выписываются из Америки. У каждого колониста при доме устроен плетневый сарай для сушки табачного листа в небольших пачках. В прошлом 1850 году собрано было в Екатеринштадте табака до 25905 пудов; смотря по количеству он продавался от 1 руб. 15 коп. сер. до 2 рублей. На пристани в грузку поступило пшеницы до 310700 пудов. В этой колонии кирпичных заводов 4, ветряных мельниц 19, 1 водяная, 1 лошадная и 1 дранка; один трактир, много лавок. Базар бывает еженедельно один раз.

В проезд мой, 20 мая, в воскресенье, в Екатеринштадте освящена новая великолепная лютеранская церковь, стоящая, по уверению жителей, более 50 тысяч рублей серебром. Строилась она долго. При начале построения у жителей колонии суммы было только 15 руб. серебром. В последствии, предвидя недостаток в деньгах, общество обложило каждого колониста в урожайные годы жертвовать на это известное количество пшеницы. Пшеница по временам продавалась, и этими средствами, наконец, храм

приведен к окончанию. Праздник был всеобщий и шумный. На него прибыли многие чиновники и купцы [немцы] из Саратова; огромные толпы народа стеклись из окрестных колоний. По окончании священной церемонии, в домах пировали; улицы наполнены были гуляющими; по Волге и лугам, покрытым полою водою, мелькали лодки с народом, который веселился, кто как знал: пели песни, стреляли из ружей и пистолетов.

Кроме Екатеринштадта есть много и других богатых колоний, в коих зажиточные колонисты, особливо вышедшие в купеческое сословие, имеют такие дома, которые могут служить украшением губернских городов. Впрочем, есть и бедные колонии: это заметно по виду жилищ и церквей.

Против колоний Волга во многих местах стиснута горма и подстепным сыртом; тут луга необширны; проток, ериков, затонов и островов нет. Зато как высоко воды потока упираются в утесы, подмывая их и образуя из них отвесные скалы!

В 1851 году многие сады у колонистов пострадали от холода, а весной страдали от червя, который у них не снимается, как это постоянно ведется у русских садоводов. В мае лист на дубе здесь был съеден, и деревья стояли будто опаленные огнем.

Всходы хлебов были в весьма хорошем состоянии.

Колонии с запада и частью с севера защищены приволжскими горами, которые то тянутся грядами, то рассыпаются в холмы, и почти везде покрыты лесом. С востока и юга от колоний открытые ровные поля.

Устройство колоний единообразно: каждая из них состоит из главной улицы и нескольких переулков. Дома почти все деревянные на каменных фундаментах; каменных мало. Кровли на домах высокие, острые. У многих домов крыльцо устроено на улицу. Подле дома небольшой садик или огород. При доме есть все нужные в домашнем быту пристройки. В каждой колонии есть церковь, а в концах деревянные столбы с надписью на деревянной доске: такая-то колония, столько-то жителей и домов.

Колонисты не допускают между собой никакой роскоши, никакого щегольства. Наряд женщин, как и у мужчин, неизменный; вы не увидите ни дорогих тканей, ни модных платьев. Мужчины носят синие куртки и шаровары белые холщовые или крашенные синькой. Женщины носят соломенные шляпки, шерстяные юбки, черные передники, корсажи ситцевые и несколько ниток ожерелья. Головной убор – платок, подвязанный под шею, а частью и нет его.

Мужчины и женщины – все ужасные флегмы, не совсем опрятны, но зато рассудительны, заботливы и бережливы.

Миновав колонии, вы поднимаетесь постепенно на возвышенную песчаную равнину, простирающуюся до реки Большого Иргиза. На этой равнине есть местами песчаные холмы; есть впадины, в коих образовались довольно обширные озера. Тут уже и растительность совсем другого рода: поля засевают больше просом и бахчами, а на залежах растут пырей и просянка.

Но вот река Большой Иргиз, река замечательная. Подъезжая к этой реке, пред вами почти внезапно открывается дивная обширная равнина, представляющая в весеннюю пору прелестнейшую картину: пространство верст на 50 в длину и верст на 10 в ширину покрыто водой и усеяно островами, покрытыми лесом. В тихую пору устье Иргиза представляет огромное зеркало: во время бури оно волнуется как море, но на этом море не видно ни лодочки, ни челночка. В июне сменяется картина: море исчезает и вы видите тучные дуга, на коих кипит растительная сила, проявляясь в яркой зелени и неисчислимых отливах цветов.

Вправо от устья Большого Иргиза, к востоку, необозримая, ровная как стол, долина. Чуть заметнее вдали под горизонтом сырты с обеих сторон окаймляют эту равнину. Горные потоки и тающие снега местами образовали на ней обширные лиманы, в коих весеннее солнце скоро иссушает влагу и возвращает обильнейшие сенокосы; а инде потоки, стекая в Иргиз, прорезали глубокие русла, за 100 сажен незаметные. Летом на местах весенних лиманов вы видите десятки тысяч стогов и ометов сена.

По этой равнине змеится Иргиз в глубоких берегах, едва заметный во 100 саженях. Река обозначается дубами и осокорями, растущими как бы из реки, стволы скрываются в берегах, а выше берегов виднеются развесистые вершины сих деревьев.

А. Л.

Самарские губернские ведомости, 1852, № 26, с. 402-404, № 27, с. 420-422.

Окончание статьи в №№ 28 и 29. Но поскольку о немецких колониях далее речь не идёт, то мною воспроизведена только часть статьи, в которой А. Леопольдов сообщает о поволжских немецких колонистах. – Прим. А. Шпак.